

ХРИСТИАНСТВО В ЕГО КОЛЛИЗИЯХ С ИНОВЕРИЕМ И НЕВЕРИЕМ

В статье прослеживаются условия становления и развития христианства в его столкновениях с язычеством от поздней античности до наших дней. Показывается рост скептического отношения к христианству, начавшегося в эпоху Возрождения, и прогрессирующего недоверия к нему в секулярном европейском сознании в последующие века.

Ключевые слова: христианство, язычество, Средневековье, Возрождение, неприятие религии, секулярное движение.

Греки изначально не воспринимали христиан всерьез. Пророчества апостола Павла на афинском Ареопаге о судном дне и телесном воскресении в назначенный Богом день были осмеяны, о чем пишет З. Косидовский в «Сказаниях евангелистов». По одной из версий, речь апостола Павла не произвела желаемого впечатления из-за неказистости его внешности. (Некрасивый человек не мог вызвать доверия у эстетов греков). В известном апокрифе второго века «История Павла» анонимный автор пишет, что тот был маленького роста, кривоногий, лысый, с густыми бровями и крючковатым носом. Однако церковная иконография создала комплиментарный портрет достопочтенного мужа с бородатым ликом задумчивого философа. Грекам речь апостола Павла казалась наивной, против нее не могла не восстать их языческая натура, пропитанная духом логики и скепсиса [11, 79 – 80]. Грекам были чужды христианские проповеди аскетизма и жестокости (грешники попадут в Ад). Почтение к богам они выражали шумным общественным весельем, потому что язычество, если прибегнуть к современной модернистской интерпретации, – это любовь к полноте жизни, религиозное, исполненное энтузиазма доверие к миру, поклонение тому, что во многом вообще не есть Бог. Это поклонение народу, искусству, состязательности, силе, здоровью, красоте. Богатству. Науке. Прогрессу. Общечеловеческим ценностям. Космосу. Самому себе [7, 37]. Языческий мир Древней Греции ярок, красочен и полон жизненных соков. Боги Олимпа прекрасны, жизнерадостны, бессмертны, многократно превосходят людей телесной мощью и силою страстей. Религиозные торжества воздают должное их могуществу, которое предопределяет судьбы людей. Культ Аполлона, Венеры, Пана – «это солнце и журчание ручья, яркие цветы и смех сильных, загорелых юношей и девушек, купающихся в холодных водах горной речки», пишет Г. П. Чистяков о новом язычестве в концепции Луи Менара. Но с приходом христианства, которое оденет мир в монашескую рясу, окажется, что мир этот не ярок и не красочен, а полон нищих, больных, слепых, бездомных и т.д. Нельзя более бездумно

восхищаться великолепием бытия и воспевать солнце и красоту. Нельзя более поклоняться прекрасной Венере и ветреной Гебе. Храмы же Эллады надо разрушить и разбить статуи богов [16, 259].

Греки следовали естественному свету разума, а им стали предлагать неприемлемую для них христианскую абсурдность Богочеловека, умершего на кресте и воскресшего, чтобы спасти их, абсурдность пришествия Царства Божия, телесного воскресения всех умерших и потустороннего воздаяния за посясторонние воздержания. В последний приход Иисуса с учениками в Иерусалим надежды народа на пришествие Царства Божия становились все восторженнее. Уверенность в близящемся конце этого мира и начале Царства Божия были так велики, что возникали споры из-за первенства в этом царстве (Лук. 22:24 и след.). Такое экстатическое ожидание Царства Божия можно назвать массовым психозом. Можно и посочувствовать первым адептам новой религии, пожалеть их, так как создавать подобные мечты, говорит Леметр, могли глубоко несчастные люди. Грекам и римлянам казались чуждыми христианские призывы к умерщвлению ими обожаемой плоти – это-де способствует возвеличению духа. Загробный мир в массовом языческом сознании древних греков – это малопривлекательное царство бескровных теней, и душа не обязательно бессмертна [4, 253]. Претила им черно-белая картина мира с притязаниями некоей группы людей – выразителей Учения – на владение объективной "истиной". А все другие в лучшем случае – ошибающиеся, но чаще они неверные, и как окажется позже – пособники дьявола. Их надо наставлять на путь истинный, и лучше это делать железом и огнем. В этом контексте нет ничего страшнее людей идейных. Ни Ману, ни Платон, ни Конфуций, ни иудейские и христианские учителя, подчеркивает Ф. Ницше, никогда не сомневались в своем праве на ложь. И «все средства, которые до сих пор должны были сделать человечество нравственным, были совершенно безнравственными» [9, 588].

Здравому уму греков и римлян претило христианское, не гармонирующее с природной жизнью, устремление к идеалу совершенного человека – существу абстрактному, бесплотному, но, по христианским воззрениям, существу богоравному. Ведь человек, по мысли Л. Фейербаха, сознает себя человеком, когда не хочет быть чем-то большим, противоречащим его природе. И смысл человеческой жизни заключен в ней самой, в бесконечной и свободной человеческой самоактуализации здесь и теперь, а не в том, чтобы быть материалом для осуществления трансцендентного божественного замысла. Не вызывало согласия у свободнорожденных греков и римлян также самоуничижение (человек ничтожен перед Богом, как муравей перед собором), рабья покорность, сервизм и безответность перед божьим произволом, воспринятые христианством из Ветхого Завета и развитые в исихазме. Страдания-де посылаются людям как очищение от греха, и если есть о чем скорбеть и плакать, так это о многих своих несовершенствах, преодолеть которые,

«божественные сладости безмолвия вкусив», можно индивидуальным мистическим деланием, далеким от всего мирского, земного, переходящего.

Вера в Христа понималась вначале греками и римлянами как вид недуга, а христианство – как религия презираемых ими рабов. Христианству нечего было противопоставить мудрости мира, кроме скандальной и непроницаемой тайны Иисуса [3, 399]. В долгой и трагической истории человечества, пишет Д. Мак-Доуэлл, не было процесса, который имел бы последствия более серьезные, нежели суд над никому не известным еврейским религиозным проповедником, который пришел в Иерусалим с небольшой группой последователей, был арестован, осужден и казнен без малого две тысячи лет тому назад. Разумеется, были в истории и другие знаменитые судебные дела – достаточно упомянуть древнееврейского пророка Михея Морасфитина, греческого философа Сократа, итальянского ученого Галилея, обвиненного в ереси, или отлучение голландского философа еврейского происхождения Спинозы, равно как и современные процессы, которые до сих пор вызывают споры. И все же ни один из них не оказал большего влияния на жизнь человечества, чем суд над Иисусом из Назарета и его казнь [8, 97]. Иисус был одним из многих странствующих проповедников. Смертный приговор ему не мог произвести ни на кого большого впечатления, так как для язычников и иудеев, греков и римлян распятый Иисус был одним из многих тысяч рабов, кончавших свои дни на кресте среди равнодушного людского окружения. Жившие в первом-втором веках н.э. знатные римляне Тацит, Плинии Младший, Светоний, едва упоминают в своих сочинениях о нем. Обходят его молчанием Плиний Старший, Марциал, Плутарх, Ювенал. Молчат о нем, жившие в первом веке еврейские авторы Иосиф Флавий и Филон Александрийский [6, 8 – 20]. Если бы он был оставлен на свободе, то, скорее всего, исчерпал бы свои силы в отчаянной борьбе с невозможностью осуществления своих вожелений и канул бы в безвестность. «Но неразумная ненависть, – как точно замечает Э. Ренан, – обеспечила успех его делу и запечатлела его божественность» [11, 239]. Христианский плебс, селившийся в самых бедных кварталах Рима, вызывал отвращение у одетых в тоги граждан. Носители чуждых нравов и религии раздражали своим поведением как патрициев, так и простолюдинов. Их подверг позорным массовым казням Нерон. Их высылал на окраины империи Домициан. Глумясь над ними, язычники Антиохи придумали прозвище «христиане». Главной причиной такой ненависти был, очевидно, отказ христиан оказывать божеские почести императорам, как того требовал римский закон [6, 9 – 10, 53]. Антихристианские гонения в Римской империи длились три века. Во II – III веках христианские общины были жестоко репрессированы правителями-язычниками в Армении [1, 217]. Но жестокие гонения вызывали все большее сочувствие к христианам, которые гибли, как о том писал Тацит в «Анналах» (кн. 15, гл. 44), «не ради блага империи, а из-за жестокости одного человека». Во славу Иисуса продуктивно работала и сорокалетняя устная традиция, питавшаяся фантазией многих тысяч

приверженцев новой религии. Из этой традиции родились апокрифические и канонизированные евангелия, деяния, послания, апокалипсисы, использованные в дальнейшем церковью для составления Нового завета.

Грандиозную историческую карьеру христианства подготавливала также неутомимая пропагандистская деятельность апостолов (посланников), протагонистов, «отцов церкви», следовавших Христовой «ярости вдохновенного поучительства». Так, "Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол, избранный к благовестию Божию" (Римл. 1:1), этот гордый, суровый, резкий фанатик, эпилептик, впадавший в экстатические откровения ("дано мне жало в плоть" – 2 Коринф. 12: 7 – 9), в течение трех своих шестнадцатилетних путешествий засеял семенами христианства половину Малой Азии. Довольно глубоко была охвачена им Македония и затронута по краям Греция [12; 79, 241]. Северное Причерноморье «засевал семенами христианства» апостол Андрей, которому по жребию выпало благовествовать на этой территории. Свидетельством раннего распространения христианства в этих землях явились подземные христианские храмы в греческих городах Крыма и Приазовья [1, 27 – 28].

Для распространения христианства колоссальное значение имела Библия, которая, будучи завершенной в 98 году, в настоящее время насчитывает свыше 2 000 000 000 экземпляров на 1810 языках! (журнал Свидетелей Иеговы «Сторожевая башня», 1989 г). При желании Библию можно приобрести бесплатно. Какая другая мировая религия может сравниться с христианством в его пропагандистском натиске?

Христианство стремилось уничтожить и заменить собой все другие религии, и тут не было места компромиссам. Война язычеству и языческим богам была объявлена адептами Назорея не на жизнь, а на смерть. Слуги Христовы уничтожали античные статуи, разрушали языческие храмы, сжигали библиотеки, вырубали священные рощи. В 394 г. они отменили Олимпийские игры, которые возобновились только в 1896 г. Нетерпимость христианства к иноверцам, стремление «во имя Его покорять вере все народы» (Римл. 1:5) с особой остротой проявились после победоносных войн мусульманских народов, и выразились в крестовых походах на Восток против врагов Христа. Эта средневековая христианская нетерпимость к исламу скоро дополнилась фанатичным христианским антииудаизмом. Последний «давал право» светским властям смотреть на евреев как на виновников всех политических и экономических бед [14, 415]. Христианство бросало вызов всем другим религиям и высмеивало любую земную власть, на нем не основанную (вспомним снисходительно-отрешенное отношение арестованного Иисуса к Понтию Пилату). В итоге новая религия подавила все остальные восточные религии и «благодаря жестокости своей организации взяла в свои руки функции регулирования всей духовной жизни» [15, 351]. Человечество дало закрепить свой мозг на две тысячи лет путями религиозного христианского сознания. Для простосердечных, в массе своей бедных людей, для которых вера была поэзией, а легенда

правдой, емоціонально родным оказалось христианское благочестие, пластически выраженное в согбенности, в жестах униженности и подавленности.

Успеху христианства максимально способствовала харизма Иисуса, подобно тому, как развитию буддизма много помогало обаяние личности вероучителя Будды, который отличался «ясностью и кроткостью лика, мудростью и красноречием, и жизнью, исполненной красоты и достоинства» (С. Радхакришнан). Иисус хорошо осознавал свою харизму, свою исключительную духовную одаренность, дающую ему тайную власть над людьми. Те, кто поддавались ему, лишались собственной воли. Был ли Иисус кроток? Таким он иногда предстает в Евангелии от Луки, пронизанном поэтической атмосферой нежности, деликатности и снисходительности. Но кротость – не истинное его лицо. Евангелия дают в образе Спасителя, пишет В.В. Розанов, «полный очерк всего круга человеческих страстей». Изгнание, например, торгующих из храма не вовсе исключало гнев [13, 148]. Страсть лежала в основе его характера, побуждая его к эмоциональным вспышкам, неся в себе зародыши того фанатизма, которые в средние века развились в апологетах христианства до жестокости (Матф. 12:34, 15:14, 23:33). Он был настойчивым, повелительным, не терпящим возражений, суровым и своенравным (Матф. 17:17; Марк. 3:5, 9:19; Лук. 8:45, 9:41), вызывающим нечто вроде страха у своих учеников (Марк. 4:40, 5:15, 9:31, 10:32), совершающим нелепые поступки (Марк. 11:12–14). Всякое сопротивление или непонимание раздражали его. Его борьба против действительности, против всего земного становилась невыносимой [11, 216]. Все, что не было Царствием Божиим, перестало существовать для него. И он, пишет Э. Ренан, не скрывал от себя, какую страшную грозу он начинает в мире. «Огонь принес Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лук. 12:49).

В высшей степени страстный темперамент увлекал его за пределы человеческой природы. Он глумился над всеми законами человеческого ума, и все настойчивее, если не фанатичнее, требовал веры (Матф. 8:10, 9:2, 22, 28, 29, 17:20; Иоанн. 6:29 и след.), в результате чего «многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с ним» (Иоанн. 6:66). Евангелия устами Иисуса рекут ценнейшие, но опасные мысли, дерзостные, ужасающие истины и прозрения.

Верный своей мысли, что житейские заботы унижают человека, Иисус требовал от сотоварищей полного отречения от земли (от всего своего материального). Они должны исповедовать полную нищету, жить подаянием и чужим гостеприимством. И существовать они должны только для Него, любить только Его одного («Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери своей, жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лук. 14:26), культивировать суровое отвращение к жизни и крайнее самоотречение как идеал христианского совершенства. Этим идеалом станет монах, имеющий

притязание осуществить евангельский идеал. Идеал этот уже своим обязательством безбрачия и нищеты не мог быть общим [11, 213 – 215]. Монах с его отверженностью от полноты жизни, с его «телесной усеченностью» становился единственным истинным христианином. Здравый смысл не мог принять такой ущербный идеал.

Однако процесс постепенного вытеснения язычества христианством был запущен. Греки и римляне обратились к соперничающим ближневосточным религиям с желанием обновить свои фетиши. Результатом противоборства ряда восточных религий верх одержало христианство, которое много позаимствовало у своих соперников и создало свою охранительную систему символов. Христианство подавило и вытеснило все другие религии и «благодаря жестокости своей организации взяло в свои руки функции регулирования всей духовной жизни» [15, 351]. В IV веке христианство было принято Римом в качестве государственной религии. Чужие боги оказались для римлян более привлекательными. Их имена были малопонятны, а деяния темны, в отличие от хорошо известной хроники Олимпа. Азиатские религиозные символы, пишет К.Г. Юнг в исследовании «Архетип и символ», были недоступны пониманию, и потому не казались банальными, в отличие от собственных состарившихся богов. А безоглядное принятие нового и отбрасывание старого не превращалось тогда в проблему.

Прежняя культура была для христиан в значительной мере безразличной. Из Рима было вывезено несколько сот статуй. Многие произведения искусства погибли во время грабежа вестготов, захвативших Рим в 410 году. Кульминацией разрушения памятников язычества было время иконоборчества. Уничтожая античные статуи, христиане действовали в соответствии с библейской заповедью «Не сотвори себе кумира», но больше – из чувства опасения. Сам дух античного искусства с его культом героического, ясностью и пластической завершенностью осознавался христианами как нечто враждебное их мистике и аскетике. Афины все более утрачивали значение центра эллинистической культуры. Закрывались философские школы. В 529 году декретом императора Юстиниана были изгнаны из Афин последние философы и риторы.

Ранние христианские писатели изображали дохристианскую культуру источником всяческих соблазнов. Их современники и близкие потомки разбивали мраморные и переплавляли бронзовые статуи, разрушали языческие храмы, сжигали библиотеки, вырубали священные языческие рощи. Конец античности был трагичен. О многих утраченных античных мраморах и об их авторах нам известно по «Истории» Геродота, «Всеобщей истории» Полибия и «Описанию Эллады» Павсания.

В средние века появляются зачатки критического отношения к христианству – религии, не любящей жизни. В Средневековье же («золотом веке поповщины») родилась «теория трех обманщиков», пишет Ю.В. Кнышенко в «Истории первобытного общества»: Моисей с иудаизмом,

Иисус с христианством, Мухаммед с исламом, которые опутали народы ложью.

Христианство с его внутренней отрешенностью от мира, замечает Н.А. Бердяев в «Смысле жизни», с его «отношением к природе как источнику греха» было чуждо ренессансному жизнелюбию с «новым обращением человеческого духа к природной жизни».

Наметившееся в средние века недоверие к «единственно истинному вероучению» привело в последующие века к полному его неприятию образованной и здравомыслящей частью человечества. В средневековой Европе было бесчисленное количество ересей, и общий культ едва смягчал социальные противоречия. Иначе, по-видимому, и не могло быть. Перенятая от восточных деспотий концепция Бога, «небесного монарха, скроенного из кучи непонятных или нелепых "атрибутов"» [2, 38], оказалась совершенно недостойна свободных людей. Не упрочивала позиции христианства и заурядность образа его Бога и его идеалов, подняться к которым, как на вершину Эвереста, могли только единицы. Обращенность средневековой христианской теологии к целостности бытия и небрежение частностями были помехой интеллектуальным усилиям в сфере науки и производства. И, когда наместились положительные сдвиги в этом направлении, передовые умы инстинктивно оставили теологическое мышление. Теология, пишет Г. Поменаранц в «Выходе из транса», стала уделом ничтожеств, с ней перестали спорить – она стала просто смешной (например, для Ф. Рабле, отчасти для Э. Роттердамского и др.). И как некий «сброс» религии, вызванный ее «перенасыщением», явилось Возрождение, вновь провозгласившее культ природного человека.

Пересмотр всех ценностей в пору Высокого Ренессанса в области религии, философии, науки, искусства, политики укрепил скептическое отношение к христианству. (Было посеяно сомнение в посмертном бытии души, давшее через два-три века сильные всходы: если М. Монтень деликатно обращал внимание своих современников на недоказуемость бессмертия души, то Л. Фейербах уже считал идею бессмертия достойной примитивных народов). Немецкие пансофы, вдохновленные А. Парацельсом, задалась целью найти «первородную» материю, из которой Бог сотворил мир. М. Лютер отверг католическое учение о посредничестве церкви между человеком и Богом. В следующем веке Дж. Локк подвергнет критике идею Бога как врожденную идею, а Барух Спиноза в «Богословско-политическом трактате» впервые предпримет историко-критическое рассмотрение Библии. Деисты в скрытом желании отмежеваться от религии будут камуфлировать свой атеизм. Начав с деистической критики христианства, станет на позиции атеизма Дж. Толанд, отрицая бессмертие души, загробное воздаяние, сотворение мира, божественное происхождение «священных книг». Его книга «Христианство без тайн», написанная им в возрасте 26 лет, будет сожжена духовенством, а ему самому придется бежать. Испытав на себе влияние Толанда, придут к атеизму Д. Дидро и П.К. Гольбах (его книга

«Система природы» тоже будет сожжена по приговору парижского парламента). Атеист Ш.-Л. Монтескье будет призывать к раскрепощению человеческого сознания от пут религиозного мракобесия. Ф. Вольтер, допуская существование «высшего разума», заявит, что церковь служит унижению свободного человека, ее нужно «раздавить как гадину». Гиббон в «Истории упадка и разрушения Римской империи» назовет провозглашение христианства государственной религией в Римской империи в 313 году не исторической необходимостью, а актом произвола, сделавшим античную культуру жертвой церкви.

Неприятие религии имеет давнюю историю. Оно началось много раньше Возрождения и Нового времени. Религиозный скептицизм зародился в странах Древнего Востока и наивысшего развития достиг в Древней Греции и Риме: Ксенофан, Гераклит, Критий, Протагор (едва не казненный за сомнения в существовании богов), Демокрит, Эпикур, Лукреций Кар (считавший, что пятнать души гнусной религией – значит обрекать людей на жалкую жизнь), Полибий (повторивший Крития спустя три века: религия есть обман, но религия нужна народу как узда). В Новое время редуцировали роль религии к метафоре узды Т. Гоббс, Дж. Толанд, Ф. Вольтер и другие философы. Сдерживающая роль религии привлекательна и для многих современных секуляризованных ученых и философов. Вера в загробную жизнь и прочее – это мура, – высказал свое мнение академик Н.М. Амосов о вере в чудеса в одном из ТВ-интервью по случаю своего 85-летия, – но верующих религия, возможно, делает лучше.

Язычество (религия телесного) неизбежно противостоит христианству (религии бесплотного). Христианство ни с помощью «новейших» теорий, ни с помощью инквизиторской практики не смогло истребить языческий дух плоти. Юлиан Отступник (331 – 363), например, став римским императором, имел смелость противостоять ставшей к тому времени всеобщей «моде на христианство», и объявил себя сторонником языческой религии, реформировавшейся на основе неоплатонизма. Противостояние этих двух религий-антиподов было и остается явным или скрытым, осознанным или неосознанным, порицаемым или замалчиваемым. Христианству для его же блага, писал В.В. Розанов, для собирания сочувствия себе «нужно всегда жить бок о бок с язычеством: в деревнях – бедность, нужда, неизлечимые болезни. Конечно, там христианство». Как ему не порадеть. «В городах – Невский, «такие магазины»: христианству некуда и упасть, все занято – суетой, выгодой». Как тут не осудить язычество [13, 329]. Осознание сущности этого противостояния в Новое и Новейшее время все больше склоняет общественное сознание к религии нового язычества, теоретические основы которой заложены Ш. Леконтом де Лиллем и Луи Менаром. Ностальгия по языческому, непосредственно телесному миропониманию и образу жизни существует на протяжении всей двухтысячелетней истории христианства. Это тоска по здравому духу и телу в их самоосуществлении, тоска по природно-человеческому от усталости от вымороченно-

божественного, которая все более облекается в настоящее время в тело-утверждающую и духоутверждающую, тело-духо-жизнеутверждающую форму религии – религию нового язычества. Симпатии к ней вспыхивают то здесь, то там, в повседневной жизни, в культуре, в искусстве. В качестве примера приведем фрагмент письма И. Репина к В. Стасову в связи с отзывами на его «Запорожцев». Репин пишет о том, что до утверждения «рыцарского народного ордена» запорожцев украинцев десятками тысяч продавали на турецких рынках. «Но вот выделались из этой забитой, серой, рутинной, покорной, темной среды христиан люди, полные мужества и нравственной силы», которые поселились на порогах Днепра, чтобы противостоять вторжению турок на свои земли. «Они не были христианскими смиренниками; жили весело и просто...». «Все христианство – это рабство, это смиренное самоубийство всего, что есть лучшего, и самого дорогого, и самого высокого в человеке, – это кастрация!» (Правда Украины 1994. – 4 авг.).

Первый, по-видимому, смелый, и дерзкий еще для конца XIX века, выпад против христианства был сделан Ф. Ницше, возвестившем миру в «Веселой науке» о том, что «Бог умер», и что вера в христианского Бога не заслуживает доверия. Много способствовало «отмене веры в Бога» также «Последнее искушение» и другие книги известного греческого антихристианского писателя Казандзакиса Никоса (1885 – 1957). К концу XX века вера в Бога оказалась окончательно подорванной.

Мифический ореол истории о Рае, о грехопадении Адама, о великом Потопе, об Исходе из Египта, о непорочном зачатии Мессии, о его чудесах, о его воскресении и вознесении, о его скором возвращении в качестве Судьи Вселенной не может вызвать симпатии у современного образованного человека, который скорее согласится с З. Фрейдом («Будущее одной иллюзии») в том, что религия есть вид массового безумства, что религия есть «невротический пережиток» детства человечества со всеми ее иллюзорными обещаниями и абсолютно «непсихологическими» этическими предписаниями.

Дехристианизирующей культурной силой современного мегасоциума выступает мощное секулярное движение, энергизируемое международными атеистическими и гуманистическими ассоциациями, такими как Американская секулярная коалиция, Британская гуманистическая организация, Международный атеистический альянс и др. Все большее число людей приходят к пониманию того, пишет Р. Докинз в своей книге «Бог как иллюзия» (М., 2008), что вера была основным источником насилия и страдания на протяжении всей истории. Мир был бы намного лучше без нее. Чтобы быть счастливым, интеллигентным, нравственным, вовсе не обязательно быть верующим. Потребности в утешении и вдохновении тоже много больше могут удовлетворяться нерелигиозными средствами – философией, наукой, искусством [5, 30]. Необходимо осознать, говорят атеисты, что эта жизнь – единственная, чтобы она стала более драгоценной,

прозреть, сняв с глаз своих затмевающую иллюзорно-религиозную пелену, чтобы увидеть, что человек, и никто иной, является высшей сущностью.

Поэтому убывание (и отсутствие) в наше время «предельного интереса души», как называет религиозный философ П. Тиллих веру в Бога, умаление «религиозной страсти» не обязательно, как он пророчит, должно вести к распаду личности. Да и зачем в современном открытом секуляризованном мире иметь «предельный интерес» к тому, что завершено и окаменело с момента своего возникновения, что никогда не изменяется, как сам Бог, что не имеет развития, не допускает прикосновения к себе с целью «модернизации», что стало рудиментом человеческого просвещенного сознания. Постоянные самоунижения прихожан в церквях с заявлениями, что они несчастные грешники, представляются унижительным и недостойным уважающих себя людей [10, 112]. Неубедительной видится и альтернатива Н.А. Бердяева в его «Смысле истории»: если человек не выбирает путь «самоподчинения себя высшим божественным началам жизни», то он подчиняет себя «злым сверхчеловеческим началам». Трудно согласиться, что жизнь секулярных ученых, философов, художников, поэтов и прочих атеистов непременно подпадает под рабскую зависимость от злых трансцендентных сил.

Многовековая борьба христианских церквей с инакомыслием, с «ересями» и еретиками привела христианство к глубокому кризису уже в XIX веке. Церковные проповеди утратили былую привлекательность. Более влиятельным оказались теософия, оккультизм, спиритизм. Христианство ушло на периферию европейской культуры. Все три церкви (православная, католическая, протестантская) неуклонно понижаются в своем уровне, писал В.В. Розанов в 1906 году. Время религии закончилось, констатировал в 1905 году Моррисон И. Свифт в памфлете «Человеческое подчинение». Человечество, писал он, не отдаст впредь религии двух тысяч лет, чтобы расточать человеческое время. Христианские моральные трюизмы и прописные добродетели не могут помочь человечеству в великих вопросах труда, нищеты и голода [13, 307]. Христианство все более вырождается в форму приличия, которой украшают комфортабельную жизнь (А. Н. Уайтхед).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алов А.А. Мировые религии / А.А. Алов, Н.Г. Владимиров, Ф.Г. Овсиенко. – М. : ПРИОР, 1998. – 480 с.
2. Джеймс В. Прагматизм / В. Джеймс. – К. : Украина. – 1995. – 284 с.
3. Жильсон Э. Дух средневековой философии / Э. Жильсон // Мир философии. – Ч. 2. – М. : Политиздат, 1991. – С. 397–403.
4. Кессиди Ф. К. От мифа к логосу / Ф. К. Кессиди. – М. : Мысль, 1972. – 312 с.
5. Конашев М. Б. Ричард Докинз и религия / М.Б. Конашев // Человек. – 2012. – № 1. – С. 24–41.

6. Косидовский З. Сказания евангелистов: Пер. с польск. / З. Косидовский – М. : Политиздат, 1977. – 262 с.
7. Кураев А. Пантеизм и монотеизм / А. Кураев // Вопросы философии. – 1996. – № 6. – С. 36–53.
8. Мак-Дуэлл Джош. Доказательство воскресения / Джош. Мак-Дуэлл. – Новосибирск : Советская Сибирь, 1992. – 201 с.
9. Ницше Ф. Сочинения : В двух томах / Сост. ред., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна : Пер. с нем. – М. : Мысль, 1990. – Т.2. – 832 с.
10. Рассел Б. Почему я не христианин : Избранные атеистические произведения / Б. Рассел. – М. : Политиздат, 1987. – 334 с.
11. Ренан Э.Ж. Жизнь Иисуса : Пер. с франц. / Э.Ж. Ренан. – М. : Политиздат, 1991. – 398 с.
12. Ренан Э. Апостол Павел / Э. Ренан. – М. : Терра-TERRA, 1999 (Репринтное воспроизведение издания Н. Глаголева. – СПб., 1907). – 242 с.
13. Розанов В.В. Религия. Философия. Культура / В.В. Розанов. – М. : Республика, 1992. – 399 с.
14. Тиллих П. Избранное : Теология культуры : Пер. с англ. / П. Тиллих. – М. : Юрист, 1995. – 479 с.
15. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня : Пер. с нидерл. / Й. Хейзинга. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 464 с.
16. Чистяков Г.П. Заключительный очерк / Г.П. Чистяков // Мифология в искусстве старом и новом / По Р. Менару. – Репринт. Воспроизведение изд. 1990 г. – М. : Молодая гвардия, 1992. – С. 257–273.

РЕЗЮМЕ

В. А. Кóсяк. Християнство у його колізіях з інакшевіррям і невіррям.

У статті простежуються умови становлення й розвитку християнства в його зіткненнях з язичеством від пізньої античності до наших днів. Показується зріст скептичного ставлення до християнства, що почався в епоху Відродження, і прогресуючої недовіри до нього в секулярній європейській свідомості в наступні століття.

Ключові слова: християнство, язичництво, Середньовіччя, Відродження, неприйняття релігії, секулярний рух.

SUMMARY

V.A Kosyak. Christianity in its Conflicts with Unorthodoxy and Unbelief.

Conditions of the formation and development of Christianity in its clashes with paganism from late antiquity to the present days have been traced. Growth of the skeptical attitude toward Christianity emerged during the Renaissance as well as the progressive distrust of it in a secular European consciousness in the next centuries has been shown.

Key words: Christianity, paganism, Middle Ages, Renaissance, rejection of religion, secular movement.